

О РЕКАХ, МОНСТРАХ И ЭКОНОМИКЕ ВНИМАНИЯ: НОВИНКИ МАРТА

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

АЛЕНСЕЙ ИВАНОВ, «РЕЧФЛОТ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

«В начале были реки, а уже потом — народы и государства». Авторская серия нон-фикшена от Аленсея Иванова, в которую вошли книги «Вилы», «Дебри» и «Ёбург», пополнилась еще одним томом — фундаментальным исследованием «Речфлот». Речники — это особые люди со своим особым миром, упорядоченным, системным, ни на что не похожим. Аленсей Иванов доступно, увлекательно и очень подробно объясняет рядовому читателю, как был устроен речной флот России с самого его зарождения — с конца XVII века (первая глава посвящена истории фрегата «Орел») до конца XX, распада СССР, когда от советского судоходства откололись Днепр, Даугава, Неман, Урал, верхний Иртыш, Амударья, Дунай и Эльба. Речная жизнь замерла, впереди были два очень сложных, если не сказать плачевных, десятилетия. В эпилоге автор говорит и о тенденциях, которые наметились в последние годы, например о восприятии речфлота не как отраслевого или корпоративного, а как национального достояния.

Авторский метод Аленсея Иванова уникален: работая над художественным романом и собирая документальный и исторический материал, впоследствии он перерабатывает его в «книгу-похватим», нон-фикшен-основу для романа. Для «Золота бунта» такой основой стали «Вилы», для «Ненастья» — «Ёбург», для «Тобола» — «Дебри» (написаны в соавторстве с Юлией Зайцевой), а для вышедших полтора года назад «Бронепароходов» — «Речфлот». Читать все эти книги по отдельности и в отрыве друг от друга, конечно, можно, но прочитанные вместе, они значительно расширяют горизонт читательского восприятия.

«Наиболее результативным способом конкурентной борьбы в России конца XIX века были признаны крупные монополистические объединения. В каждой отрасли хозяйства родственные предприятия принялись заключать картельные сговоры или сливаться в тресты и синдикаты; так

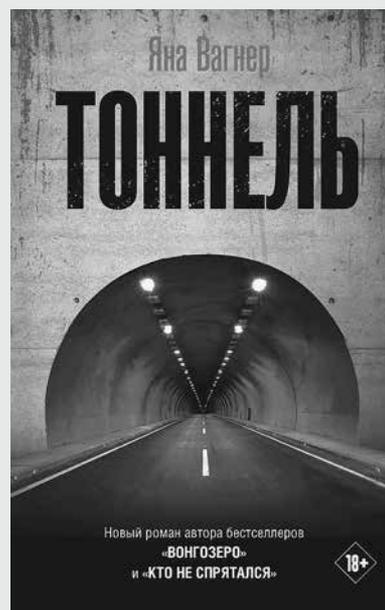
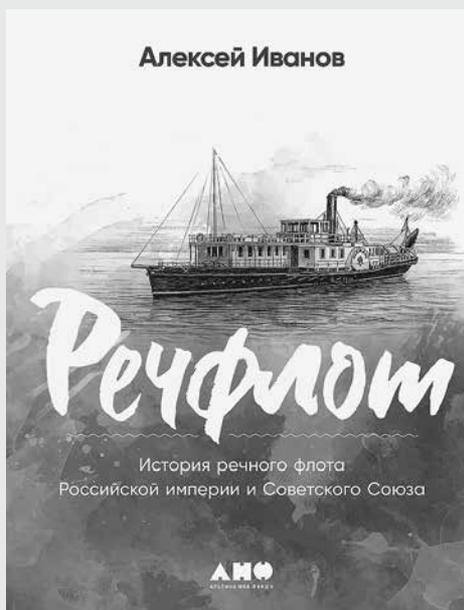
же обстояли дела и на речном флоте. Несколько небольших пароходств собирались в общую компанию и вытесняли конкурентов со своей реки. Или же большое предприятие поглощало малые, чтобы стать еще могущественнее. Монополисты завладели Москвой-рекой, нижним плесом Днепра и верхним плесом Иртыша, Вишерой, Вяткой, Кубанью, Окой, Северной Двиной. На Амуре образовались синдикаты “Паротор” и “Амурский флот”; на Енисее монополистом стало “Акционерное общество пароходства по реке Енисею”; на Оби появился синдикат “Товарпар”; на Каме – пароходство Мешкова; на Ахтубе – Ахтубинское пароходство. Пароходчик и общественный деятель Дмитрий Сироткин, следуя требованиям времени, основал синдикат “Волга”.

Бум создания синдикатов пришелся на 1909 год. Компании-лидеры сопротивлялись дольше всех, но и они сдались. В 1913 году старейшее в России “Общество по Волге” вошло в синдикат “Мазут”; в 1914 году “Кавказ и Меркурий” и компания “Восточное общество” были слиты в синдикат КАМВО – крупнейший на речфлоте. В 1913 году в России действовало 169 пароходств – акционерных предприятий, большая часть которых входила в составы объединенных компаний, и около двух тысяч отдельных мелких пароходчиков. Слияния пароходств в тресты и синдикаты было обусловлено не только расчетом хозяев на увеличение прибыли, но и в целом борьбой речфлота как отрасли с железными дорогами».

ЯНА ВАГНЕР, «ТОННЕЛЬ» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ»)

Если Яна Вагнер берется пугать, страшно будет всем. Если до этой книги у вас не было клаустрофобии — будет. Если вы думали, что все каннибудь обойдется, — не обойдется. Ну а теперь, собственно, к сюжету. В ночь с шестого на седьмое июля в трехкилометровом тоннеле под Москвой-реной внезапно оказываются заперты все, кто в этот момент по этому самому тоннелю проезжал. Поздний летний воскресный вечер — проезжало там немало: одних дачников не сосчитать. Но не только, не только. «Тоннель» — это, конечно, микромодель нашего общества, галерея типажей, характеров и социальных ролей, и наблюдать эту галерею в критической ситуации (ха, когда у нас в последний раз была другая?) — занятие слегка постыдное, слегка отталкивающее, но при этом невероятно затягивающее. Сверху тонны воды, спереди и сзади — проверено — мощные гермодвери, отрезавшие не только пути из заточения, но и доступ любым сигналам связи. Самое страшное не то, что очень душно, нет воды и продуктов, а что неизвестно, в чем именно причина, что случилось там, за пределами тоннеля, и сколько им предстоит в нем просидеть. В этих — нечеловеческих — условиях начинают очень выразительно проявляться самые что ни на есть человеческие качества: страх, ярость, злость, самопожертвование, доброта, нарциссизм и многие другие. Здесь нет однозначно плохих и хороших, есть разные, но одинаково испуганные запертые люди, у которых в один момент отняли настоящее и, возможно, будущее. А нам остается только вовлеченно, но бессильно наблюдать за тем, как они пытаются себя сохранить для будущей свободы, но только все сильнее разрушают.

«Первоначальная задача поблекла и выветрилась, и остался только маршрут – закольцованный, бесконечный и потому бессмысленный. Тоннель давно перестал быть однородным и разложился у него в сознании на фрагменты, череду реперных точек, по которым он мог уже отмерять не только

расстояние, но и время: длинный рефрижератор с польскими номерами, серый Лендровер с яркой наклейкой на запаске, чумазая Газель “Напитки Черноголовки”, желтый Citroen, в котором не спит большая и тревожная рыжая собака, серебристый седан с пучком умирающих пионов на задней полке, растоптанная папка с бумагами, Опель-универсал с крошечным младенцем в люльке. И минут через пять после младенца покажется застрявший под решеткой Фольксваген и начнется следующий круг – мимо Опеля, папки, пионов, собаки, Газели, польского рефрижератора и мертвого мотоциклиста, до запертых ворот на той стороне, где нужно будет снова повернуть обратно».

ВЕРА СОРОКА, «ПИТЕРСНИЕ МОНСТРЫ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Книга Веры Сороки продолжает вековые традиции петербургского текста. Автор творит собственный городской фольклор, опираясь и на литературу предшественников, и на общие культурные архетипы. Получается очень мило, легко, но не поверхностно. Завершает книгу (или открывает, если вы решите ее послушать, а не прочесть) подробный монстрариум, он же бестиарий, который не даст вам запутаться в свойствах тех или иных персонажей романа в рассказах (именно так — в книге сквозные герои, но разные связанные с ними сюжеты). Из бестиария вы, например, узнаете, что монстр Верочка, которая работает в книжном магазине, питается талантливыми людьми. Что Нуримос состоит из ила, селится на сваях мостов и превращает всех дотронувшихся до него в русалок. Поэтому поменьше высовывайте руки из прогулочных теплоходиков. Что монстр из подземного народца Лана внушает людям желание прыгнуть на рельсы, Мишурник ест тканевые кладбищенские

цветы, а Переничка питается исключительно дырками. На месте каждой съеденной дырки появляется муха или комар.

Веру Сорону, во-первых, действительно весело читать. Она обладает редкой способностью шутить без самолюбования и пошлости, не скатываясь в саркастический словесный дриблинг. А во-вторых, ее проза — очередное подтверждение идеи, что иногда для того, чтобы что-то сказать о людях, надо говорить вовсе не о них. Монстры Веры Сорони, конечно, странненькие, временами страшные, временами смешные, но главное — человеческие, слишком человеческие.

«Магазин, в котором работал Павлик, располагался в старой коммунальной квартире, как будто нарочно поделенной на комнаты по жанрам. В общей кухне находился неработающий кассовый аппарат, патефон, шкаф для шток и небольшой уголок для неспешных разговоров. По коридору направо была комната нехудожки, за ней следовала более просторная комната непонятно чего. Напротив обитал отдел гениальных идей для романа, и в самом конце, рядом с ванной, находилась комната художественной литературы. Везде имелись соответствующие указатели, чтобы никто по неосторожности не заблудился.

— Очень красиво у тебя здесь, — одобрила Алиса, взглядываясь в коридорную темноту.

Павлик уселся в высокое кресло и закинул одну ногу в тапочке-зайчике на другую.

— Можно посмотреть?

— Конечно, только возьми инструмент. — Павлик указал на свечу.

— Огонь не покусает книги?

— Не-е, он же не иерусалимский. К тому же рукописи не горят, — пожал плечами Макс.

— Нас даже пожарный инспектор оставил в покое, когда узнал, что здесь только неизданные книги, — подтвердил Павлик».

ОЛЬГА ПТИЦЕВА, «ДВЕСТИ ТРЕТИЙ ДЕНЬ ЗИМЫ» (POLYANDRIA NOAGE)

Роман-метафора Ольги Птицевой (в аннотации и отзывах назван антиутопией, но метафора, на мой взгляд, подходит больше) строится на одном фантдопущении: в стране, где живет главная героиня Нюта, стараниями пришедших к власти холодовинов наступила вечная зима. Вечная ли? Героиня трудится в суперсекретном НИИ, который разрабатывает морозостойкие растения. Их задача — приспособить различные культуры к условиям аномально низких температур. В то время как лучшие ученые страны бьются над практически невыполнимой задачей, в городе происходит странное: то там, то тут прямо сквозь мерзлую почву и снег начинают пробиваться живые желтые нарциссы. Их природа совершенно непонятна, но вызывает у холодовинов сильные опасения. Роман Ольги Птицевой — о верности долгу и призванию вопреки обстоятельствам. Об умении сохранить себя и при этом не убить неосторожным словом близких, даже если они думают не так, как ты. О личной ответственности за свои слова и поступки. И об умении сохранить весну в душе даже в самые суровые холода.

Несмотря на сюжетную завершенность романа, он заканчивается титром «Конец первой части», а это значит, что впереди новый повод для разговора.

«Парк и правда выглядел урюмю. Черные стволы деревьев пробивались сквозь высокие сугробы, но почти сразу утыкались в тяжелые облака, застревали там верхушками. На ветках собирались снежные подушки. От ветра они падали, пробивая настил и утаскивая за собой тонкие обломанные веточки. Ничего, кроме голых деревьев и снега, рассмотреть не получалось. Сугробы здесь оставляли как есть – их не раскидывали, под ними образовалась прочная ледяная корка, и заснувшим многолетним кустам нечем было дышать. Сон их, видимо, успел превратиться в вечный. Куда подевалась разной величины живность, населяющая парк, можно и не спрашивать. Нюта постояла немного, запрокинув голову, чтобы горло перестала стягивать тоска».

НЛЭР Фуллер, «НАШИ БЕСКОНЕЧНЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ» («СИНДБАД»)

Роман, который начинается просто тревожно, но постепенно наполняет читателя ледяным ужасом, и финальная глава, подтверждающая неизбежно возникающие догадки и проясняющая все, становится одновременно и кульминацией, и стремительной развязкой.

Летом 1976 года выживальщик Джеймс, воспользовавшись отъездом жены на гастроли, сперва тренирует восьмилетнюю дочь в саду собственного дома, обучая жизни на природе, а потом увозит ее «на каникулы» в далений баварский лес. Каникулы в чаще продлятся девять лет, потому что когда Пегги и Джеймс доберутся до малопригодной для жизни хижины, в мире за пределами леса, по словам отца, произойдет Большой Разлом. Катастрофа, уничтожившая все города и всех людей. Теперь они — папа и дочь — единственные люди на Земле. Их хижину отделяют от ближайших населенных пунктов (теперь бывших, уверена девочка) многие кило-

метры, рена и горный массив. Пегги очень скучает по маме, но тут у них есть подобие дома и даже импровизированное пианино, не издающее звуков, на котором ее учат играть. Восемилетнее сознание девочки и абсолютное доверие к отцу не позволяют ей усомниться в его словах. Читатель же знает, что имеет дело не с постапокалипсисом, потому что вторая романная линия относится к 1985 году, когда выросшая Пегги (грязная, отощавшая и выглядящая на четырнадцать лет вместо семнадцати) вернется домой к маме и брату, о существовании которого она все эти годы не знала — мальчик родился после их бегства. Девять лет дикой жизни впроголодь оказываются не самым страшным: однажды сходящий с ума отец решит, что они уже достаточно пожилы и пришло их время умирать. «Наши бесконечные последние дни» — далеко не первая и точно не последняя, но очень пугающая и отрезвляющая книга о том, как легко родители могут бесповоротно сломать жизни собственным детям.

«— Я не смог, — проговорил он, свернувшись клубком на пороге, обхватив колени и издавая ужасные звуки. — Я не смог.

Я знала, он хотел, чтобы я спросила, чего именно не смог он сделать, но вместо этого я попятилась и забралась в угол возле печки. Я протянула руку и коснулась пальцами букв, вырезанных по дереву под нижней полкой. Рубен. Через некоторое время отец собрался с духом и вошел внутрь. Пижамные штаны были в грязи и порваны на коленях. Он вытер нос рукавом и открыл печку, чтобы подбросить полено на тлеющие угли, затем снял пижаму и повесил ее на веревку, которую мы натянули, чтобы сушить одежду.

— Я перебрался на тот берег Fluss, — сказал он.

Его слова сопровождалось шипением падавших на печку капель.

— Чтобы посмотреть, что наделала гроза. Все хуже, чем я ожидал. — Он шмыгнул носом. — Весь остальной мир исчез».

АНАСТАСИЯ МАКСИМОВА, «ДЕТИ В ГАРАЖЕ МОЕГО ПАПЫ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Мальчик на обложке книги разделен пополам, и это центральная метафора романа. Жизнь семнадцатилетнего Егора — обычная, в которой есть родители, сестра, школа и девушка, — в одночасье меняется, когда полиция забирает отца. Сперва кажется, ерунда, какое-то недоразумение с его ИП, но все оказывается гораздо страшнее. Отца обвиняют в изнасиловании и убийстве ребенка. Новость кажется нелепой, подозрение беспочвенным, но факты свидетельствуют однозначно. Исследуя тему немаргинализированных маньяков, Анастасия Максимова холодно и безошибочно подводит читателя к выводу, что у любого маньяка жертв всегда больше официального списка: это и семьи убитых, и его собственная семья, которая уже никогда не сможет жить нормальной жизнью. Вопрос, как можно быть жестоким преступником и хорошим отцом одновременно, повисает в воздухе и так и остается без ответа.

Автор пользуется эффектом снлейки: первая часть книги рассказывает о периоде ареста и расследования, когда Егору семнадцать, вторая переносит нас на несколько лет вперед, когда в его жизни и жизни его родных многое успело поменяться, но ничего не забылось. И не забудется никогда. Есть ли вина на ни о чем не подозревавших родных преступника, может ли так случиться, что в какой-то момент в его детях проснутся те же ужасные желания? Психологический триллер

«Дети в гараже моего папы» — о бездне, которая наплывает медленно, но поглощает все живое.

Анастасия Максимова, известная читателю как Уна Харт, на этот раз отошла далеко от привычной для себя темы готического европейского фэнтези, но этот роман совсем не выглядит робким экспериментом и уже назван критиками одной из самых ожидаемых книг года.

«Папа никуда не смотрел. На фоне полицейских в куртках он казался мелким — как будто любой из присутствующих, кроме женщины с постановлениями, мог его проглотить и стать от этого еще больше. Он отвечал невнятно, так что даже Егор, стоя в двух шагах, не мог ничего расслышать, но женщина, видимо, могла, потому что задавала другие вопросы, и на них он тоже отвечал.

Папа болеет, хотел сказать Егор, уже две недели, и лучше ему не становится, ему нельзя стоять на сквозняке. Он только на вид крепкий, а на самом деле иммунитет ни к черту из-за курения».

ЛЕА МЮРАВЬЕН, «ВЕЛИКАЯ ПУСТОТА» (POLYANDRIA NOAGE)

Дебютный графический роман художницы и писательницы, который уже успел получить авторитетный приз в Ангулеме — Fauve prix du Public France Télévision.

Сюжет этого романа вполне мог бы стать основой эпизода для «Черного зеркала»: в этом мире человек жив только до тех пор, пока о нем помнят и думают каждый день. Чем чаще о нем вспоминают, тем увереннее и надежнее его присутствие. Внимание, которое мы можем посвятить другим, даже близким, не бесконечно, оно рассеивается на звезд, актеров, певцов и блогеров. В итоге мы, сами того не желая,

лишаем наших близких жизненных сил и вынуждаем биться за право существовать. А если у человека есть более известный тезка, шансы выжить и вовсе стремятся к нулю. Героиня «Великой пустоты» Манел Наэр работает в книжном магазине, и ее задача — думать о людях, чьи имена мелькают на ее рабочем мониторе. Думать, чтобы сохранить им жизнь. Но ее собственная жизнь меняется, как только у молодежи набирает популярность певица с таким же именем. Теперь у Манел Наэр только один шанс на спасение — нужно стать еще более известной. Когда общество охвачено эконоимкой внимания, остается только это самое внимание приковывать и удерживать.